

The background is a textured orange wash. On the left, a thin green stem rises, bearing several long, pointed, reddish-pink leaves and a few small white daisy-like flowers. Another similar stem with leaves and flowers is in the bottom right corner. The text is centered in the upper half of the image.

АНАТОЛИЙ
ЕНИН

ЕЩЁ
НЕ ВЕЧЕР

Анатолий Енин

Еще не вечер

«Тип-Топ»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6-44

Енин А.

Еще не вечер / А. Енин — «Тип-Топ», 2020

ISBN 978-5-906097-30-9

В первую книгу дальневосточного поэта и писателя Анатолия Енина вошли лирические и юмористические стихи, а также рассказы – для взрослых и совсем юных читателей.

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6-44

ISBN 978-5-906097-30-9

© Енин А., 2020
© Тип-Топ, 2020

Содержание

Искать надо сердцем...	6
Лирика	9
Ещё не вечер	9
На крыльце	10
Неизвестному солдату	11
Бился карась...	12
Соседка	13
Живи, весна!	14
Места родные	15
Задушевный разговор	16
Притча о слепом	17
Масленица	18
Разговор с осенью	19
По улице родной...	20
Будем праздновать!	21
Зимнее...	22
В тайге	23
Моему городу	24
Встреча с рекой	25
На красный...	27
Душа	28
Простите, собаки...	29
Дальнереченск	30
Помню	31
Кувшинка	32
Расскажи мне	33
Этот запах корицы и мяты...	34
Слушая «Одинокого пастуха»	35
Письмо	36
Прикоснуться	37
Женщина пела...	38
Под абажуром...	39
Мандарин	40
Мы к вам приходим...	41
Валентинка	42
Тетрадка	43
Маме	44
Рождество	45
На реке	46
Наваждение	47
Сентябрю...	48
Махнём в тайгу?	49
Моя светлая полоска...	50
Ландыш	51
Звездопад	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Анатолий Енин

Еще не вечер

© Енин Анатолий, текст, 2020

© Иллюстрации Надежда Сапунова

© Издательство Кетлеров, 2020

Искать надо сердцем...

Уже не первый год, читая стихи и прозу Анатолия Енина, не устаю удивляться их стилистической простоте, ясности и звучанию потаённых душевных струн, с которыми резонирует моё читательское сердце.

Со ставнями дом. На крылечке – собака.
Поленница дров, облепихи кусты...
И вечер придёт, как всегда одинаков.
Чтоб день увести под покров темноты.

С утра ветерок мне за шиворот дунет —
Кому бы ту осень остановить!
Но тесен был клин журавлей накануне —
Зиме, значит, снежной и долгою быть.

Есенинские интонации легко узнаваемы в этих стихах, но боль и дума – свои, незаёмные. Как и упрямое детское ожидание чуда в глубине такой взрослой и многоопытной души.

Всё, что мы называли личным —
Всё это блеф, скорлупа, чешуя...
Личной может быть только Вселенная,
Где обитает любовь твоя...

Наш современник Анатолий Енин живёт в эпоху перемен, которую правильнее назвать эпохой подмен всего и вся, когда полным ходом идёт размывание вековых нравственных ориентиров и исторической памяти. Поэтому так важна духовная константа, чётко выраженная автором в стихотворении о защитниках Даманского:

Тускнеет всё за чередой лет,
Боль не бывает бесконечно острой.
Былой вражды уже с соседом нет,
Но стал чужим политый кровью остров.

Мы не о том, кто прав, кто виноват —
Пустые домыслы не требуют отваги.
Мы просто вспоминаем тех ребят,
Не изменивших воинской присяге...

Верность своим корням, своей малой родине – чувство глубинное. Это заповедная территория, которой никакие испытания не отнимут. Зная о непростой судьбе Анатолия Енина, поражаешься его неистребимому чувству юмора и любви к жизни в каждом её проявлении.

Вот и осень прильнула к окошку...
– Да живой я, живой, даже бодрый!
Видишь, сам убираю картошку
И воды ношу полные вёдра.

Видишь, осень, не так всё и плохо!
Не такой, в общем, я и привира —
Ведь подрыл пять картох на жарёху,
Правда, вёдра из «Детского мира»...

Это и есть поэзия: вздох сильного человека, привычно прикрытый улыбкой. Верно сказал Лев Аннинский: «Видимо, техника стиха – ещё не всё в поэзии, которая есть явление духа, явление жизни, явление природы, наконец». Лирический герой Енина относится к небытию с философией стоика: готовясь предстать перед Творцом, он спасается творчеством.

Долгая смерть – жесточайшая участь:
каждую ночь слушать собственный стон...
Ну и зачем мне такая живучесть,
если понятно уже – обречён?

Жизни немного и смерти немного,
только молю умереть не во сне:
видеть хочу, как спокойно и строго
взгляд остановится Божий на мне.

Тема нравственного выбора – ключевая не только во многих стихах, но и в прозаических миниатюрах Анатолия Енина. Судьба дарит автору удивительные сюжеты и уникальные человеческие судьбы, отшлифованные суровой природой Приморья и эпохой, далёкой от сентиментальности. Его проза драматургична, многоцветна, остра и наблюдательна.

Например, рассказ «Лох» – трогательная история с трагическим финалом. Повесть о собаке, которая спасла человеку жизнь, но впоследствии была оставлена им «до лучших времён», а по сути – брошена на произвол судьбы: другие, мол, позаботятся. А те, другие, тоже бросили искалеченного пса в тайге, пожалев на него даже патрона: «Ладно... тигра слопает». И эта эстафета бессердечия, душевной лени и необыкновенной лёгкости, с которой люди перекладывают друг на друга ответственность за «тех, кого приручили», по-настоящему страшна. Повествование идёт от первого лица, но вскоре становится ясно, что автор не ставит себя над героем, не выносит ему приговор – он разделяет его запоздалую боль, вину и растерянность.

Невольно вспоминаются слова Маленького Принца: «Самого главного глазами не увидишь. Зорко лишь сердце».

Эта сердечная зоркость проявляется в сюжетной основе рассказов «Роба», «Гортензия», «Машинка для стрижки волос» и других вечных историях о любви и вероломстве, самопожертвовании и потребительстве, предательстве и мести.

Герои Анатолия Енина – люди разного возраста и профессий, но судьба испытывает их на прочность без всякой скидки на возраст и социальное положение. Всех – и мальчика Витька, героя рассказа «Машинка для стрижки волос», и безымянную старушку, которую дочь сдала в дом-интернат («Гортензия»), и бывшего рыбака Робу из одноимённого рассказа, который предал свою семью и на старости лет мучается совестью. Читаешь, и тяжело на душе: вроде бы люди в основе своей неплохие, работающие и небесталанные. Всем хочется любви и тепла. А вот не даётся им счастье, потому что несёт человек неотвратимую ответственность за сделанный когда-то выбор.

Особо хочется сказать о героине миниатюры «Кичуля с Агудара», одиннадцатилетней Алёнке. Девочка считает, что она родом с планеты Агу-дар, над которой светят четыре солнца. Там строят «стотысячэтажные» разноцветные дома, на балконах растут пальмы, а на широких листьях качаются обезьянки и попугаи. И с балкона видно неуютную планету Земля... У

Алёнки есть младший братик и пьющая мама, «меняющая пап с упорным постоянством». Так что в ближайшее время сестре и брату светит интернат. Но никто не отнимет у девочки её мечты, её веры в то, что она Кичуля с Агудара. Если прочитать наоборот – Лучик с Радуги...

Нет, автор не давит на жалость. Он просто напоминает, что человек отличается от остальных жителей Земли умением мечтать и верить. Хорошее чувство стиля, мягкий юмор, своеобразный взгляд на события – всё это несомненные достоинства прозы Анатолия Енина, которые рождают главное – контакт с читателем. Ту самую обратную связь, без которой литература немыслима.

Не случайно он стал одним из финалистов краевого литературного конкурса, приуроченного к 75-летию Приморского края. Его произведения опубликованы в сборнике «Автограф на краю земли», литературном журнале «Кают-компания» и других изданиях. А лучшие стихи и прозу автор решил собрать в книгу.

Пожелаем этой первой книге Анатолия Енина благодарных читателей и долгой счастливой жизни!

*Галина Якунина,
председатель
Приморского отделения
Союза российских писателей*

Лирика

Ещё не вечер

В возрасте оправданных тревог
Грустно закругляться в одиночку
И, пустив усталость на порог,
На семейном счастье ставить точку.

Грустно одному в вечерний час
Вспоминать, что было, но когда-то,
И, любви не вычерпав запас,
Приближаться к точке невозврата.

Подожди немного, не спеши
Закрывать счастливые страницы —
Он высок ещё, полёт души,
Ты не дай ей раньше приземлиться.

Будь с удачей ты накоротке,
Ставить точки – это ведь не срочно.
Силы дай и твёрдости руке,
И она поставит многоточие...

На крыльце

Дела весной не отложить,
Скроишь денёк свободный разве?
Но в доме стены освежить
Старались женщины под праздник.

И нынче, чуть коснётся грусть,
Я снова вижу дом над речкой,
Там от побелки отдохнуть
Присела мама на крылечко.

А рядом – я, её сынок,
Совсем малой. Послушный вроде...
Вихры мне треплет ветерок,
А может, мать рукою водит.

Ещё не знаю, что беда
Бывает в жизни и невзгоды
И что лишь в памяти сюда
Вернусь я снова через годы.

Как много солнца на крыльце,
Где села женщина с подростком,
С улыбкой тёплой на лице
И в белых крапинках извёстки...

Неизвестному солдату

Я Победе почти что ровесник,
Но меня ведь могло и не быть,
Если б этот солдат неизвестный
Днепр горящий не смог переплыть.

Если б он под Москвой и под Курском
В вихре огненном не устоял,
Я сейчас на земле своей русской
И не сеял бы, и не пахал.

Если б он по Европе с победой,
Добивая врага, не прошёл,
Кто б страдания и новые беды
От народов спасённых отвёл?

Я не знаю, большой или малый
Срок земной мне Господь наделил,
Но судьбу мне ругать не пристало —
Я счастливое время прожил!

И сейчас во мне жизнь не остыла,
Я в неё бесконечно влюблён!
Только всё, что мне жизнь подарила,
Разве было бы? Если б не он...

Бился карась...

Бился карась... в полукруг выгибался,
Ртом астматически воздух ловил,
Вроде как плыть, бедолага, пытался,
Только уже потрошённым он был.

Даже когда был порезан на части,
То в панировочном слое муки
Так и не свыкся с постигшим несчастьем,
Смерти назло шевелились куски.

Долгая смерть – жесточайшая участь:
Каждую ночь слушать собственный стон...
Ну и зачем мне такая живучесть,
Если понятно уже – обречён?

Жизни немного и смерти немного,
Только молю умереть не во сне:
Видеть хочу, как спокойно и строго
Взгляд остановится Божий на мне.

Соседка

Сладкий чай и булка с маслом,
По столу клеёнка в клетку...
В настроении прекрасном
Мы беседуем с соседкой.

Иногда она на праздник
И по рюмочке наполнит.
Не любовники... Ну разве
В щёчку чмокнуть мне позволит.

Она тоже одинока —
Лет как десять овдовела.
Муж покойный — парень дока! —
Был весёлый и умелый.

Он был смысл её и остов,
И она его всё любит...
Потому мне с ней так просто,
Потому — всё так и будет.

Живи, весна!

– А есть ли возраст у весны? —
Наивно ты спросила.
Допустим, вон у той сосны
Есть кольца на распиле.

Так что же нам, весну пилить?
А чем и как – кто скажет?
Не лучше ли её спросить,
Ты как, весна, со стажем?

Весна сказала нам в ответ:
– Я в тех живу, кто любит,
И сколько любите вы лет,
Вот столько мне и будет.

И, если чувству не остыть
В вас, верных и упрямых,
Я долго-долго буду жить —
До дней последних самых...

Места родные

Реки-речки, сопки-горки
Да над крышами дымок.
Эх, российские задворки —
Дальнереченск-городок!

Он не гонит и не манит:
Не по нраву? – Хорошо! —
У перрона скорый встанет —
Три минуты – и пошёл.

По России таких – сотни.
В них доверились судьбе
Те, кто благ земных не отнял,
Цену зная сам себе.

Здесь и я корнями крепко
Врос. Мне дышится легко
И спокойно, что от предков
Лягу я не далеко.

Тишина вокруг... Недлинный
Гаснет день. И жмёт мороз.
Лишь с рычанием тигриным
Рвёт дорогу лесовоз.

Задушевный разговор

Сегодня сказал ты: «Прости, ухожу...» —
И жизнь на земле прекратилась.
По скверу у дома уныло брожу,
Пеняю на жизнь – не сложилась...

Потом вдруг такая напала тоска!
На лавочку села и плачу.
Малыш лет пяти, отойдя от песка,
Вопросом меня озадачил:

– А разве и тёти большие режут? —
И круглыми смотрит глазами.
– Не любит никто... не нужна никому... —
Вздыхаю в ответ со слезами.

Он рядом на лавочку молча присел,
Вздохнул с пониманьем – мужчина!
А я всё реву, уже голос осел
По этой плакучей причине.

Вдруг слышу:
– Не плачь! Ты грустить не должна.
Вон сколько людей – ты забыла?
А может, кому-нибудь ты и нужна,
Ведь ты не у всех же спросила!

Притча о слепом

Чтоб быть замеченным толпой,
В убогом одеянии,
Сидит на улице слепой
И просит подаяния.
Картонку, видную едва,
К ногам придвинул ближе,
На ней написаны слова:
«Мне трудно. Я не вижу».
Вокруг такая красота!
Весна бушует ранняя,
Слепец, с печалью на устах
Сидит, как изваяние.
Всё мимо, мимо праздный люд
Идёт своей дорогой,
И если даже подают,
То редко и не много.
Но вот к слепцу подходит он,
Который сердцем слышит,
Берёт с земли его картон
И что-то быстро пишет.
Бросает в шляпу горсть монет,
Потом, как можно тише,
Даёт слепцу один совет:
Поднять картон чуть выше.
И дальше нужный ему путь
Продолжил тот прохожий.
Но – гляньте! – люди подают
Уже щедрей, похоже.
И вот уже, пожалуй, нет
Того, кто отвернётся,
И в старой шляпе звон монет
Всё чаще раздаётся.
Сидит слепой и не поймёт:
Так что ж, на самом деле,
Мог написать прохожий тот,
Раз люди подобрели?
А если б видел – прочитал
Он, слов своих чуть ниже:
«Сейчас на улице весна,
А я её не вижу...»

Масленица

С блинами, с песнями, с гармошкой
Приходит масленица вновь.
Сорвётся в пляс, ударит в ложки —
Взыграй, языческая кровь!

Закружит площадь – наступает
Веселья высшая ступень:
Прощай, зима! Тебя сжигают
В последний масленичный день.

И мы спешим, толпой влекомы,
Смотреть на то, как с давних пор
Косматой кукле из соломы
Выносят смертный приговор.

Уже подносит кто-то спичку,
И то-то радость детворе,
Когда зима, как еретичка,
Заполыхает на костре!

Метнётся пламя к небосводу,
И потаённо верим мы,
Что наши беды и невзгоды
Сгорают с чучелом зимы.

Разговор с осенью

Вот и осень прильнула к окошку.
— Да живой я, живой, даже бодрый!
Видишь, сам убираю картошку
И воды ношу полные вёдра.

Правда, есть неприятная штука:
Память вдруг проявила коварность —
Забываю по имени внуков,
Зато помнятся долго лекарства.

А вчера померещилась вроде
Мне старуха с косою, в оконце —
Ну, здесь ясно как день, к непогоде,
Или бури какие на солнце...

Видишь, осень, не так всё и плохо!
Не такой, в общем, я и привира —
Ведь подрыл пять картох на жарёху,
Правда, вёдра из «Детского мира».

Так что ты отойди от окошка,
Что-то больно ты скорая, вижу!
Погуляй ещё, осень, немножко,
Поблужай ещё где-нибудь, рыжая...

По улице родной...

А ну-ка не сутулиться!
И голову поднять!
Ведь по родимой улице
Проходишь ты опять.

Вот так, собой командуя,
Иду по Кошевой,
Хоть удивлять и радовать
Уж некого собой.

Ворота позадвинуты,
И тихи закутки,
И небесами приняты
Почти все старики.

У домика со ставнями
Под тополь сяду в тень
И, погружаясь в давнее,
Увижу летний день,

Где живы все и молоды,
А я – совсем юнец.
Идёт там мама по воду
И ставит сруб отец.

Там кот на солнце жмурится
И, разгоняя коз,
По запылённой улице
Грохочет лесовоз.

Очнулся... Будто сказочный
Оторван лепесток —
Несётся иномарочный
По улице поток.

Будем праздновать!

Вьюга прочь честной народ
Гонит с улицы —
Вот и Старый Новый год
В двери тулится.

Пусть по поводу него
Толки разные,
Ну а коли он пришёл —
Будем праздновать!

Не в ущерб чужим пирам
И не в промысел,
Мы пройдемся по дворам
С чистым помыслом.

Будем сеять-посевать
Зёрна веером,
С каждым взмахом всем желать
Благ немереных!

Далеко за тёмный лес
Звёзды падают —
Может, то поклон с небес
Наших прадедов...

Зимнее...

Помню вечер... В вышине
Две звезды наметились.
Мы в морозной тишине
В старом парке встретились.

Предзакатный свет разлит,
Розовым подкрашенный,
И крахмально снег скрипит
Под ногами нашими.

На меня из-под бровей
Смотришь глаза краешком
И сбиваешь снег с ветвей
Ты пушистой варежкой.

Помню... помню старый дуб,
Головокружение...
И несмелых наших губ
Встречное движение.

Прочь в объятия темноты
День уйдёт поверженный.
Только вечер... Только ты...
Только парк заснеженный...

В тайге

Когда проблем не порешать
Или смириться есть угроза,
В тайгу, с попутным лесовозом
Я еду душу врачевать.

В высоком небе надо мной
Тайга сомкнёт свой кров ветвистый,
И аромат хвои душистый
Обдаст настоящей волной.

Я проберусь к сплетениям рек.
В верховьях воды их хрустальны,
И кедры так монументально
Стоят уже который век.

И в этом царстве красоты,
Как будто в мире параллельном,
Себя почувствую отдельным
От неудач и суеты.

Ночные сумерки зажгут
Звезду на синем небосклоне,
Лесник знакомый на кордоне
Предложит на ночь мне приют.

Когда тайгу накроет тьма,
Мы с ним расслабимся трёхстопно
И будем в телик допотопный
Смотреть, как сходит мир с ума.

Моему городу

Там, где сопok покатыe плечи
Омывают сплетения рек,
Там мой город, там мой Дальнереченск,
Там мой храм, моя боль, мой ковчег.

Налегке – пара сотен в кармане
Да ума легковесный багаж,
Разлетались мы все из Имана,
Молодые – задор да кураж!

Закружилось! Был бедным, был важным,
Жёны были, друзья и враги,
Только вдруг среди ночи однажды
Мне почудился запах тайги...

Грусть и память живут по соседству.
Кто так резко меня приподнял?
Может, грусть? Может, запах из детства?
Но в ночи растворился вокзал.

Он не примет! – стучали колёса. —
Ты и город – уже не родня!
Но он, мудрый, не задал вопросов,
Не отверг... Значит, вспомнил меня,

Не забыл. И из самого детства
Вывел всех из забвения тьмы.
Дал подумать, и дал оглядеться,
И поправить святые холмы.

...Ветер странствий по-прежнему молод,
Но уже он не мой оберег.
Остаюсь я с тобою, мой город,
Здесь мой храм, моя боль, мой ковчег...

Встреча с рекой

Ещё солнце таится за сопкой,
Лес укутан в дремотный покой.
Ранним утром чуть видимой тропкой
Я иду на свиданье с Рекой.

Отпетлялась тропинка и юрко
Вдруг нырнула куда-то в туман.
Ну что, здравствуй, Большая Уссурка!
Нет, давай по старинке – Иман...

Опускаюсь к речному изгибу.
Как давно этой встречи я ждал!
Если б вслух я сейчас говорил бы,
То б, наверно, мой голос дрожал.

Думал, всё позабыл, если честно,
Но ты рядом – и память живёт.
Узнаю я любимое место,
И обрыв, и крутой поворот

Здесь поток твой уверен и ровен,
А вон там, где отходит рукав,
Длинным боном из спаренных брёвен,
Как клинком, рассекалась река.

А на этом косом перекате,
Где как будто вскипает вода,
В ясный день мы в упор до заката
Краснопёрок ловили всегда.

Здесь в ночную ходили рыбачить.
Вон тот дуб – там и был наш привал.
А вот здесь в первый раз по-собачьи
Я поплыл. О как я ликовал!

Ты, Иман, меня вывел из детства,
И теперь, на остатке пути,
Ты не дашь мне от старости средства.
Дважды в воды твои не войти.

То, что есть, то, что будет и было,
Воды всё унесут, а пока
Светлой памятью душу омыло,
И за это спасибо, Река.

.

На красный...

Я шёл по зебре. Светофор
мне красный свет стелил под ноги.
Клаксоны хрипли. Я в упор
не слышал вой и визг дороги.

Я знал – дорогу перейду
и снова буду в стылом мире,
где, с установкой на беду,
стоят часы в пустой квартире.

Где из предметов и вещей
ушло тепло твоих касаний,
Где в протяжённости ночей
плутает смутное сознание.

Зелёный свет, не будь так скор —
Быть может, мне ещё немного.
Я шёл по зебре. Светофор
Мне красный свет стелил под ноги...

Душа

Душа – это бездна... Душа – это космос,
Душа – это искорка в милых глазах.
Душа – это море, а может быть, просто
Бумажный кораблик на грозных волнах.

В душе моей тоже хранится немало —
Пороки, грешки – а куда же без них!
Душа приземляла, душа окрыляла,
Стонала душа, как от ран ножевых.

Вмещала в себя она радость и муки,
Растила по пёрышку оба крыла.
Она издавала волшебные звуки,
Когда ты в неё осторожно вошла.

И пусть она к Богу всё ближе и ближе —
Когда-то её он возьмёт навсегда,
Но только тебя, пока мир этот вижу,
Не отпущу из неё никуда...

Простите, собаки... (Буриме)

На тормоз не жал никогда ещё резче!
Куда только делась былая усталость —
У самых колёс, светом фары просвечен,
Встаёт мальчуган...
— Что, жизнь, кричу, в тягость?!
А он лишь губами чего-то бесшумно,
Герой предстоящей мне ночи бессонной.
Щенка прижимает к щекам своим юным.
Ох, мальчик ты мальчик, с лицом просветлённым...
...Дороги зигзаг с обозначенной кромкой
Как знак вопросительный брезжит во мраке.
А ты – вопрошает – на месте ребёнка
Рванул бы под фуру, спасая собаку?

Ты добрый и смелый, малыш, нет вопросов!
И в жизни, конечно, не будешь зевакой.
Но в случае этом не лезь под колёса!
ТЫ ОЧЕНЬ НАМ НУЖЕН!!! Простите, собаки...

Дальнереченск

Когда сопки весною на плечи
Вновь накинута зелёную шаль,
Я приеду к тебе, Дальнереченск,
В голубую таёжную даль.

Там, от шумных столиц отдалённый,
Ты стоишь, неприметный такой,
Как мальчишка в рубашке зелёной,
Подпоясанный синей рекой.

Всей душою к тебе, Дальнереченск,
Прикипел я уже навсегда.
Мы с тобою друг другу навстречу
Тянем руки свои сквозь года.

Скоро мне выходить из вагона,
И ты встретишь меня, дорогой
Мой мальчишка в рубашке зелёной,
Подпоясанный синей рекой.

Вновь задуют упругие ветры,
Раскачают, как море, тайгу.
Исходил я свои километры,
Понял, жить без тебя не могу.

Под своею кудрявою кроной
Ты подаришь уют и покой,
Мой мальчишка в рубашке зелёной,
Подпоясанный синей рекой...

Помню

Вот приметная сосёнка —
От неё четвёртый ряд...
Мама, папа и сестрёнка
Здесь, на кладбище, лежат.

Поклонюсь могилке каждой,
Положу по два цветка.
Лягу здесь и я однажды:
Жизнь, она ведь коротка...

Папа смотрит чуть сурово:
— Что ты нюни распустил?
Ну-ка, парень, дай мне слово,
Что меня не посрамил!

А у мамы взгляд доверчив:
— Счастлив ли, скажи, сынок?
Ничего я не отвечу,
Лишь седой потру висок.

Самому бы разобраться
Мне в сплетениях судьбы...
Но в одном могу признаться:
Ваших слов я не забыл.

Только жизнь такая штука —
Крут порой её замес.
Мне с трудом далась наука
На пороках ставить крест.

Но живу и глаз не прячу —
К миру с чистой душой.
Не согнусь и не заплачу,
Устою перед бедой!

...Снова ветерок подует —
Знать, к дождю... Пора шагать!
Мне кукушка прокукует,
Сколько раз — не стал считать.

Кувшинка (Акростих)

Конечно, вид её неброский
У вас не вызовет восторг —
В глубь тёмных вод идут отростки,
Широкий лист на гладь прилёт.
Их сразу мало видно что-то,
Но вот уже белей, белей —
Как будто это не болото,
А заводь белых лебедей!

Расскажи мне

Расскажи мне о запахе неба и звёзд —
У тебя обонянье особое.
А я запах ветров, пряных трав и борозд
Передать, как умею, попробую.

Ах как волосы пахнут пьяняще твои,
Пахнут губы и тело упругое!
Не на этот ли запах запретной любви
Потянулись однажды друг к другу мы?

Мы смешаем все запахи в общий букет —
Этот микс такой тонкий получится!
Я желаю вдыхать его тысячу лет.

Он не скоро, скажи, улетучится?

Этот запах корицы и мяты...

Этот запах корицы и мяты...
А малина, душица, шалфей!
Ах, каким только чаем меня ты
Не поила в деревне своей!

И когда я с тобой целовался,
В аромат лепестков диких роз
Так волшебю, так тонко вливался
Аромат твоих губ и волос.

Но так вышло – расстались мы вскоре.
Я давно человек городской.
Может быть, среди трав в чайном сборе
Не хватило одной – колдовской.

Слушая «Одинокого пастуха»

Когда душою захандрю,
С годами это стало часто,
Пластинку старую беру —
Там есть вещица Джеймса Ласта.

Вот завертелся чёрный круг —
Сейчас... сейчас... она – вторая!
Шуршит игла... и – флейта вдруг!
Я внемлю звукам, замирая.

Плывут альпийские луга
Передо мной, как на экране,
И аккуратные стога
Едва виднеются в тумане.

А звук то ровен, то дрожит,
То на подъёме, то печально,
Так удивительно звучит
Над этой сказкой пасторальной!

...Наш век и бешен, и горласт.
И в этой самой круговерти
Не покидай меня, Джеймс Ласт,
И пастушок с волшебной флейтой.

Письмо

Любимая, здравствуй! Прочтёшь ли, не знаю.
Лавиной накрыло... Из группы – кто жив ли?
С трудом откопался. Теперь замерзаю.
Пытался подняться, да ноги чужие.

Пять метров до края – и пропасти бездна.
Валун на пути оказался преградой,
Но мысль леденящая: ждать бесполезно.

Как много сказать тебе важного надо!

Ты помнишь наш отдых? Давно, на Байкале.
Так вот, заверяю, что с Ленкой я не был.
Забудь, что подружки тебе нашептали.

Когда нас разыщут? Ни точки на небе...

А к сыну постороже – чтоб в горы ни шагу!
Да что я тебе – с ним я сам потолкую:
Пусть весь ты из воли, пусть весь из отваги —
Лавина любого в снега упакует.

Как холодно, милая... Пальцы не гнутся.
А там у вас лето, ромашки и клевер.
Меня же найдут? Как же так – не вернуться?
Постой, вроде слышу – стрекочет пропеллер!

Да нет, показалось... Тем более вечер.
Как лёд на вершинах кроваво окрашен...
А я всё ищу твои тёплые плечи.

Не верь никому: умирать – это страшно...

Стемнело совсем... Допишу я едва ли.
Опять голоса – глухо так, как за стенкой.
Ну вот... и конец... У меня... на... Байкале...
совсем ничегошеньки... не было с Ле...

Прикоснуться

Всё, что мы называли личным,
Всё это блеф, скорлупа, чешуя...
Личной может быть только Вселенная,
Где обитает любовь твоя...

Всё, что мы называли правильным,
Это просто навязано нам.
Правильным может быть только желание
Прикоснуться к твоим рукам...

Женщина пела...

«...Ой то не вечер, то не вечер...»
Чуть набок голову склонив,
Запела женщина сердечно,
Слегка глаза свои прикрыв.

Она запела без жеманства,
Лишь чуть лицом порозовев,
И в зачарованном пространстве
Поплыл волнующий напев

Лежали руки на коленях,
С округлых плеч платок спадал,
И пела женщина... Как пела!
Как голос в воздухе дрожал!

О эта сила песни русской!
Попробуй где ещё найди —
Чтоб до вершины светлой грусти,
Чтоб до щемления в груди.

«...Ой то не вечер, то не вечер...»
И мне казалось – не спеша
К седому прошлому навстречу
Моя приблизилась душа.

И долго-долго вспоминалось
И то, как женщина поёт,
И как слезою отозвалось
Начало русское моё...

Под абажуром...

Пусть рассвет ненастный, зыбкий,
Ты, по-детски немудра,
С беззаботнейшей улыбки
Начинаешь день с утра.

Абажура оболочка
Так уютно тень даёт,
И тебе моя сорочка
Удивительно идёт.

Поутру наряд нестрогий
Подходящ вполне, но всё ж
В мягком кресле свои ноги
По-девичьи подожмёшь.

За окном всё так же хмуро,
Тем милее закуток —
Под зелёным абажуром
На два кресла уголок.

Будет там горячий кофе,
Разговоры ни о чём,
Будет тенью милый профиль
На стене запечатлён...

Мандарин

Как долго мама ходит в магазин...
Я надышал проталинку в окошке.
Она придёт и вложит мандарин —
Оранжевое солнышко – в ладошку.

И южный фрукт, которому я рад,
Ещё пока что с улицы – холодный —
Чуть отойдёт, и чудный аромат
Вольётся в общий запах новогодний.

Пусть он не всем фруктовый господин,
Вот яблоко – и больше, и краснее,
Но детство выбирало мандарин.
Янтарных долек нет его вкуснее.

А жизнь – куда ей деться! – всё идёт!
Всё приглушённой запахи и звуки,
И к Рождеству который уже год
Я покупаю мандарины внукам.

И так случится, новый снегопад
Опять укроет снежною периной.
Зелёной ели хвойный аромат
И тот волшебный запах мандарина...

Мы к вам приходим...

Так вышло, что в твоей, солдат, судьбе
Молитва матери не стала оберегом
И здесь, в Приморье, выпало тебе
Упасть на саван мартовского снега.

А рядом спят товарищи твои —
Московский друг, ростовский, астраханский,
Вступившие в смертельные бои
За остров пограничный, за Даманский.

Тускнеет всё за чередой лет,
Боль не бывает бесконечно острой.
Былой вражды уже с соседом нет,
Но стал чужим политый кровью остров.

Мы не о том, кто прав, кто виноват —
Пустые домыслы не требуют отваги.
Мы просто вспоминаем тех ребят,
Не изменивших воинской присяге.

Спокойно спите... Лучше вам не знать
Больших и малых наших потрясений,
А мы придём сюда, чтобы опять
В молчанье скорбном преклонить колени.

Валентинка

Помню – рядом два села,
Где бывал я в детстве.
Раньше мама там жила,
И папа – по соседству.

Как-то мама поутру
Вышла на крылечко,
Видит – кто-то на снегу
Вытоптал сердечко.

О любви даёт намёк
Снежная картинка.
Кто ж её придумать мог,
Эту валентинку?

Всё же выдал бел снежок,
Кто топтал – старался:
Вёл к берёзе след-стежок,
Там и обрывался

За стволом берёзы той,
Затаив дыхание,
Притаился папа мой,
Завершив послание.

Мама вид не подала,
По воду сходила,
Только вскоре – ну дела! —
К свадьбе платье шила!

А потом родился я —
Завитки колечком.
Валентинка ты моя —
На снегу сердечко!

Тетрадка

Позабывтая кем-то тетрадка
На холодной промокла скамье.
В этот вечер мне тоже несладко,
Неуютно и холодно мне.

Мы похожи одною печалью,
Как похожи дожди сентября,
Только ты позабыта случайно,
Я – осознанно жизнь растерял.

У прохожих угрюмые лица,
Наплевать им, чего там лежит:
У тебя – на промокших страницах,
У меня – за изнанкой души.

Ничего, ничего... обойдётся!
У всего есть начало и край.
За тобой, может, кто-то вернётся,
А за мной...
Ну, тетрадка, бывай...

Маме

Я не внемлю чужой укоризне,
Сам себя я уже наказал,
Что – «Прости меня, мама!» – при жизни
Я тебе этих слов не сказал.

Оправданий пустые порывы
Ты обычно не ставила в грош,
Но простые слова без надрыва
Ты услышишь и, знаю, поймёшь.

Ты прости, что в минуты печали
Лишь в себе свои беды ношу.
И за долгие, мама, молчанья
Я прощения трижды прошу.

Ты прости, что привычек порочных
Я не смог избежать западни.
За твои валидольные ночи,
За мои бесшабашные дни.

Бог простит – эта истина стала
Мне опорой крест свой нести,
Но прощенья Всевышнего мало —
Ты, родимая, тоже прости...

Необъятна небес панорама,
Свят и светел последний твой путь.
Царство неба тебе, моя мама,
Моя память и светлая грусть...

Рождество

Из дома выйду в белые метели,
Почувствую мороза озорство.
Вот и промчалась первая неделя
И завершилась светлым Рождеством.

Отпела деревенька, отплясала,
Умолкли развесёлые пиры,
И праздники отправились устало
Под ворох новогодней мишуры.

Как он спокоен, этот зимний вечер...
В печи поленья скоро догорят.
Льют тёплый свет рождественские свечи,
И взор твой в полумраке чист и свят.

На реке

Посвящаю Ю.Ю.

Я упоён своей беспечностью.
Как на реке свободно дышится!
Смола на брёвнах пахнет вечностью,
И облака в воде колышутся.

И ты в каком-то лёгком платице
Сидишь на брёвнышке, неслышная,
Волна о сонный берег ластится,
Все остальные звуки лишние.

И только дальний гул моторочный
Вернёт опять в реальность бренную,
И, проплывая мимо, лодочник
Махнёт рукою загорелою.

Наваждение

Дождь... и ветер вдоль перрона,
Люд, спешащий на вокзал.
Вдруг под аркой капюшона
Твои серые глаза

Боже мой... Каким ты ветром?
Между нами эти дни
Были тыщи километров!
И вот – руку протяни...

А в глазах – как оправдание:
Не могла я больше ждать...
Я же встал как изваянье,
Мне б обнять тебя, прижать...

Но, виденьем околдован,
Я как будто врос в перрон.
Ты сказала: «Не промокни...»
И растаяла как сон...

Сентябрю...

Вновь янтарную настойку
Из ветров осенних пью.
Сентябрю! Ему, и только,
Предпочтение отдаю!

За к перу ночную жажду,
За студёность на заре,
И за то, что ты однажды
Появилась в сентябре.

Помнишь, в парках щедрый город
Сыпал золотом на нас?
Помнишь, я, так скор и молод,
Был в прищуре твоих глаз?

Нам ничто не предвещало
Ни разлук, ни скорых зим...
Может, просто расслабляла
Лета бабьего теплынь?

Жизнь дорогу выбирала
По своим календарям,
Но осталась – не пропала
Эта нежность к сентяблям...

Махнём в тайгу?

А давай-ка махнём мы в тайгу,
Где распадки в заснеженной проседи,
Где деревья на белом снегу
Свои тени лиловые бросили.

Где пушистая ель и сосна
Занемели, морозами скованы.
Околдует там нас тишина
И тайги величавость исконная.

Будем вглубь мы тропу пробивать,
А устав, посидим на валёжине,
И, заметив нас, будет порхать
Сойка с ветки на ветку встревоженно.

Будет кругом идти голова
От хмельного дурмана таёжного,
Будут сердце тревожить слова,
Накануне ещё невозможные.

Моя светлая полоска...

Говорят, что жизнь в полоску —
Да уж ясно, не в цветочек!
И, хоть ты разбейся в доску,
Чёрных больше – это точно!

Платежи, долги, кредиты,
На полжизни ипотека,
По TV одни бандиты —
Где укрыться человеку?

И жена, гремя посудой,
«Доброй» вестью добивает:
– Нам неплохо взять бы ссуду —
Мама завтра прилетает.

...Тихий вечер как награда,
Чай с тобой мы пьём на кухне.
И, пока мы будем рядом,
Ничего у нас не рухнет!

Устоим и жить мы будем,
Ну и пусть чуть-чуть попроще!
Скоро беды позабудем,
Ну а завтра – встретим тещу!

И мы счастливы, я знаю,
Счастьем тихим и неброским,
Потому что ты, родная,
Моя светлая полоска!

Ландыш

Не рвите ландыши, не рвите!
В глаза цветам вы посмотрите.

Но мы их рвём... Сияют лица,
И нам как будто невдомёк,
Что очень скоро превратится
Букет в безжизненный пучок.

Из всех цветов он самый скромный
И красотой не слепит глаз,
Не ищет мест совсем укромных,
Но и не лезет напоказ.

Иди вглубь леса по тропинке,
И ты найдёшь в конце концов
В тени на тоненькой былинке
Гирлянду белых бубенцов.

Смотри, как хрупок он и нежен,
Как первозданна чистота
Вот этих бусин белоснежных
На фоне тёмного листа!

Не рви! Нагнись к нему поближе,
Вдохни волшебный аромат...
Скажи ему: «Я не обижу!
Ведь ты ни в чём не виноват».

Не рвите ландыши, не рвите...

Звездопад

Успокой мне усталое сердце,
Ты мне делала это не раз...
Ах как хочется мне отогреться
В тихом свете задумчивых глаз!

И за эти мгновения счастья
Всё на свете готов я отдать!
И не ждать обречённо ненастья,
И в тревоге разлуки не ждать.

Ты всей жизни моей откровение,
Небесами ниспосланный дар!
Ты и лёгкое прикосновение,
И горячих объятий пожар!

На звезде загадаю желание —
Вон их падает сколько — не счесть.
— Буду жить! — прошепчу заклинание. —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.